

Горстка русских людей жила в Праге несколько лет вдали от родины. Жилось им всем трудно. Как видно из первого письма Ф. Кролика и И. Воейкова на имя А. П. Веселовского от 24 августа 1717 г., средства на содержание отпускались с большими перебоями, и они постоянно испытывали нехватку денег на еду, свет и жилье.²⁸

Заманчиво было бы попытаться выяснить, какие отношения сложились у них с окружающей средой, как и насколько вошли они в пражскую жизнь. «К глубочайшему сожалению, — писал в свое время А. В. Флоровский, — мы не имеем никаких данных о том, чем и как они жили, кроме переводов, с кем общались, как воспринимали новые европейские впечатления. Ни один из побывавших тогда в Праге не оставил литературных следов своей жизни в Чехии, не найдены еще и чешские документы об этом, хотя они могли бы дать немало разъяснений вопросов и по существу, и с бытовой стороны».²⁹ Несмотря на столь пессимистический вывод, даже то немногое, что было уже известно А. В. Флоровскому, а отчасти выявлено нами, дает возможность, хотя бы приблизительно, обрисовать положение русской колонии в Праге. Большой интерес с этой точки зрения представляет справка, найденная недавно в фонде «Иезуитика» Пражского Центрального государственного архива ЧССР.³⁰

Справка, написанная по-латыни, занимает немногим более двух страниц и по времени создания близка к описываемым в ней событиям. Она озаглавлена «Informatio de certis nationis ruthenica ad urbem Pragensem advenis atque subinde ad scholas Societatis Pragae in Vetere ac Nova Civitate admissis». Это пока что первый и ранее не использованный документ чешского происхождения относительно поездки русских переводчиков и студентов в Прагу по повелению Петра I. В этом, естественно, заключается главная ценность «Информации» как вновь выявленного исторического источника.

Как же рисуются в нем цели поездки и положение русских людей в Праге? В основных чертах здесь повторяется то, что известно нам по другим источникам: замысел перевода лексиконов И. Будея и И. Гюбнера с немецкого языка на русский через промежуточный чешский перевод, направление переводчиков, а затем и студентов для обучения в местном университете, материальные трудности, с которыми они столкнулись. Учитывая, что в «Информации» И. Воейков упоминается как здравствующий (он умер 6 августа 1720 г.), а о русских людях говорится как о еще пребывающих в Праге, можно предположить, что документ был составлен для нужд руководства ордена иезуитов или властей вскоре после прибытия русских переводчиков и студентов в Прагу, во всяком случае не позднее середины 1720 г.

Но значимость «Информации» не ограничивается только подтверждением уже известного, хотя и само по себе это существенно. Иезуитская справка вносит некоторые небезытересные штрихи в картину пребывания петровских посланцев в Праге. Во-первых, в «Информации» точно названо имя пражского иезуита, взявшего за промежуточный (чешский) перевод «Лексикона» Будея: Michael Franik de Frankenstein.³¹ Именно к нему первоначально и были прикреплены два русских переводчика и их два помощника. Кстати, «Информация» позволяет уточнить дату прибытия последних в Прагу: «apno

²⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 233—234.

²⁹ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 446.

³⁰ Státní ústřední archiv ČSSR, JS CL XXII/3, f. 44—45. (Далее сокращенно — SUA). Указанный документ был по нашей просьбе разыскан сотрудниками Архива Карлова университета при деятельном и благожелательном участии действительного члена Чехословацкой Академии наук проф. В. Ване-чека, которому автор приносит глубокую благодарность.

³¹ SUA, f. 44.